

Глава 5

Лянь Цзяньюэ не нашёлся что ответить. Вытерев тыльной стороной ладони уголок рта, он указал вперёд:

— Пойдём, осмотримся там.

В его собственной душе тоже теснились вопросы. Однако тревожили его не тайные узы между Лянь Уцзэном и Храмом Разрешения Мирских Уз, а само это невероятное зрелище. По всем законам природы, пожар в степи должен был расстилаться сплошным смертоносным ковром, вздымая волну за волной и мгновенно беря путников в огненное кольцо. Но это пламя не спешило пожирать всё на своём пути. Оно не стремилось затянуть их в пылающую пучину. Огонь словно уподобился молчаливому слуге-факельщику, который расчищал перед ними дорогу, неумолимо продвигаясь вперёд и оставляя за собой лишь обугленную, сожжённую дочерна землю.

Похоже, череда сегодняшних странностей ещё далека от завершения, и впереди их ждёт нечто куда более невообразимое. От этой мысли на Лянь Цзяньюэ навалилась свинцовая усталость, и он невольно вздохнул.

Цюй Цзючуань покосился на него:

— Если тебе совсем худо, я могу понести твоего отца на спине.

Лянь Цзяньюэ зашёлся в сухом кашле, но покачал головой:

— Спасибо за заботу. Но я и так втянул тебя во всё это и слишком многим обязан. Я должен нести свою ношу сам, чего бы это ни стоило.

С этими словами он взялся за край носилок. Цюй Цзючуань не стал спорить. Они подхватили носилки с телом Лянь Уцзэна и двинулись вслед за пламенем, к смутным очертаниям строения, проступавшего сквозь пелену огня.

Обугленная Призрачная Трава источала резкий, удушливый запах. Наступать на неё было всё равно что на битое стекло — под ногами раздавался сухой, отчётливый хруст, однако сама почва казалась пугающе мягкой, податливой. От этого контраста становилось не по себе.

Не выдержав затянувшегося молчания, Лянь Цзяньюэ спросил:

— Откуда ты знал, что огонь поможет справиться с этой травой?

— Не то чтобы справиться, — отозвался Цюй Цзючуань. — Просто пламя на время рассеивает

морок.

— На время?

— Призрачная Трава вспыхивает мгновенно, и кажется, будто она выгорает дотла. Но жизненная сила у неё невероятная. Гляди... — Цюй Цзючуань слегка повернул голову и мотнул подбородком в сторону.

Лянь Цзяньюэ проследил за его взглядом и обомлел: сквозь обугленные, чёрные стебли уже пробивались нежные зелёные побеги, словно молодые ростки спешили заново явить себя миру.

— Так она... на самом деле зелёная?

— Насколько я знаю, её истинного обличья никто не видел. Спасает лишь то, что у неё весьма характерный запах, по которому её можно распознать, — Цюй Цзючуань прибавил шаг. — Надо поторапливаться. Если трава успеет вырасти заново, у меня, конечно, есть ещё коробок спичек, чтобы пустить пал. Но тогда мы окажемся зажаты между двумя стенами огня.

Лянь Цзяньюэ кивнул и поспешил за ним. Вскоре они почти вплотную приблизились к движущемуся пламени. В лицо ударил нестерпимый жар. Сквозь колышущуюся огненную завесу всё отчётливее проступали два начертанных иероглифа: «Ляоцзюэ» — Разрешение Уз.

Шедший впереди Цюй Цзючуань, похоже, не знал, как подступить к этому огненному барьеру, и замер в двух шагах от лижущих воздух языков пламени.

Лянь Цзяньюэ высвободил одну руку, примериваясь к жару костра, и уверенно произнёс:

— Оставайся здесь. Я сам отнесу Лянь Уцзэна внутрь.

— Внутрь? — Цюй Цзючуань резко обернулся к нему.

К этому моменту Лянь Цзяньюэ уже опустил носилки и привычным движением закинул мёртвое тело отца на плечо.

— Я больше двадцати лет имею дело с огнём и чувствую его природу. Это пламя не причинит вреда. Храм Разрешения Мирских Уз скрывается прямо за ним.

— Исключено, — возразил Цюй Цзючуань. — Место слишком проклятое, нам нельзя разделяться. Вдвоём проще сообразить, что делать. Давай переждём немного. Может, огонь утихнет, и монастырь покажется сам.

Стоило ему договорить, как пламя действительно качнулось и уползло дальше, оставив после себя лишь горсть золы и обугленных веток. Очертания монастыря и манящая надпись вновь отдалились от них.

— Храм точно находится по ту сторону огня, — настаивал Лянь Цзяньюэ. — Мы ничего не знаем о том, что там впереди. Здесь хотя бы только Призрачная Трава, в которой ты отлично разбираешься. Неведомое всегда таит больше угроз, так что лучше побудь тут.

Не дожидаясь ответа, он шагнул прямо в бушующее пламя. Его профессиональное чутьё не подвело: огонь даже не опалил одежду. За завесой искр и дыма его взору открылся совершенно иной, немыслимый мир.

Небо здесь сияло безупречной, пронзительной синевой без единого облачка. Повсюду высились сотни, тысячи каменных буддийских пагод. Нет, их было бесчисленное множество — они тянулись бесконечными рядами до самого горизонта, насколько хватало глаз. Все они были сотворены словно под копирку: высотой около трёх метров, увенчанные распускающимся каменным лотосом на шпилье. Посередине каждого строения зияла сквозная ниша, окутанная клубами зловещего чёрного тумана.

Земля под ногами напоминала зеркальную гладь застывшего озера. На ней без малейших искажений отражались девственная синева небес и шпили тысяч безмолвных пагод. Вокруг царил первозданная, мёртвая тишина.

— И это... Храм Разрешения Мирских Уз?

Голос Цюй Цзючуаня раздался из-за спины. Лянь Цзяньюэ обернулся: его спутник тоже беспрепятственно преодолел огненную стену. Озадаченно озираясь, тот торопливо отряхивал куртку.

— Меня не опалило? Всё цело?

Лянь Цзяньюэ внимательно осмотрел его со всех сторон — ни единой подпалины.

— Где мы очутились? — пробормотал Цюй Цзючуань.

Он сделал пару шагов вперёд, осторожно притопнул ногой и нахмурился:

— Под ногами зеркало? Но почему оно не отражает нас самих?

Лянь Цзяньюэ тоже безуспешно силился разгадать эту загадку. Его внимание привлекла ближайшая пагода. Сквозь клубящийся в сквозной нише тёмный дым угадывались очертания какого-то предмета. Он попытался взглянуть пристальнее, но не успел: Цюй Цзючуань резко выкрикнул:

— Что за чертовщина?!

В то же мгновение лес пагод содрогнулся. Перед глазами Лянь Цзяньюэ всё поплыло, чудовищный удар неведомой силы швырнул его прочь. Когда зрение вернулось, он обнаружил, что полулежит на зеркальной поверхности. Грудь разрывало от нестерпимой боли. Попытавшись подняться, он глухо закашлялся и сплюнул на пол тёмную кровь.

Тяжело дыша, он огляделся. Тело Лянь Уцэна бесследно исчезло. Чуть поодаль замер Цюй Цючуань — он стоял в безупречно устойчивой боевой стойке, устремив напряжённый взгляд куда-то ввысь.

Лянь Цзяньюэ проследил за его взглядом. На вершине одной из каменных пагод стоял молодой мужчина в монашеском одеянии. Его веки были полуприкрыты, лик излучал неземной свет. Белоснежное, чистое, как лунный свет, одеяние подчеркивало безупречную, словно выточенную из нефрита кожу. Каждая линия его лица и тела казалась работой величайшего скульптора. В его облике сочетались кроткое милосердие бодхисаттвы, вольная лёгкость небожителя и грозное величие громовержца. Он казался не земным праведником, а вестником из чистых земель Сукхавати.

Лянь Цзяньюэ на секунду лишился дара речи от этого зрелища. Оцепенение разрушил голос Цюй Цючуаня:

— Почтенный мастер, мы с другом не искали ссоры. Если это и впрямь Храм Разрешения Мирских Уз, то знайте: усопший отец моего спутника завещал предать его тело огню именно здесь. Разве буддийское милосердие не учит привечать гостей? Нападать без предупреждения — едва ли этому учат бодхисаттвы.

Лянь Цзяньюэ наконец обрёл почву под ногами, поднялся и вежливо поклонился монаху:

— Мастер, простите нашу дерзость. Мы вошли без спроса.

Он сделал несколько шагов вперёд, не отрывая взгляда от фигуры на пагоде. Но происходило нечто странное: приближался он или отдалялся, фигура монаха оставалась прежней величины, словно расстояние между ними подчинялось какому-то невидимому закону и всегда сохраняло неизменную дистанцию.

Монах не проронил ни слова, сохраняя холодное, отрешённое безразличие ко всему земному. Вдруг край его белоснежного одеяния колыхнулся, и из-за спины беззвучно вылетела ослепительная ледяная стрела света. Лянь Цзяньюэ едва успел заметить, как смертоносный блик устремился прямо в грудь его спутника.

— Берегись! — выкрикнул он.

К счастью, реакция Цюй Цзючуаня была молниеносной. В долю секунды он взмыл в воздух, пропуская удар мимо себя. Световой росчерк вошёл в зеркальный пол, оставив на месте, где только что стоял юноша, глубокую опалённую воронку. Сам же Цюй Цзючуань благополучно приземлился на вершину соседней пагоды. Резкая атака вывела его из себя.

— Ах ты, лысая башка! — взревел он, гневно вскинув брови. — Мы к тебе с миром, а ты без лишних слов за оружие хватаешься?!

Он быстрым, неуловимым движением коснулся мочки правого уха, сорвал круглую металлическую серьгу-гвоздик и с силой запустил её в монаха.

— Терпеть не могу таких святош!

«Неужели в этой серьге скрыт какой-то механизм?» — пронеслось в голове Лянь Цзяньюэ.

Он попытался проследить за полётом снаряда, но тот был слишком мал и мгновенно растворился в воздухе. Тогда он перевёл взгляд на Цюй Цзючуаня. Тот стоял, насупив брови и упрямо сжав губы. Его хищные глаза были прикованы к противнику, а правая рука замерла на уровне груди, пальцы — указательный и средний — были сложены так, словно удерживали невидимую нить.

Вновь взглянув на белого монаха, Лянь Цзяньюэ так и замер. Фигуру отшельника опутывали сотни алых бусин! Длинная нить, состоящая из множества шариков размером с отборные семена рудракши, туго стягивала его тело. Каждая бусина яростно искрила и шипела, грозя вот-вот разлететься на куски от разрушительного взрыва.

На губах Цюй Цзючуаня заиграла дерзкая усмешка:

— Если готов говорить по-человечески, я уберу игрушку. Но если решишь продолжить — пеняй на себя. Рванет так, что костей не соберёшь. Даже не думай вырываться: любое натяжение запустит детонацию. Я вижу, ты парень непростой, но фокус со смертью хозяина тут не сработает. Не надейся пришить меня своей небесной карой — без моей воли эти бусины станут нестабильными и через три минуты разнесут тебя в клочья в любом случае!

Лянь Цзяньюэ осенило. То, что Цюй Цзючуань носил в ухе под видом обычного украшения, было легендарным оружием — Бусинами Девяти Изгибов!

Об этом грозном новшестве в мире боевых искусств ходило немало слухов, но Лянь Цзяньюэ никогда прежде не видел его вживую. Говорили, что Бусины Девяти Изгибов бывают самых разных размеров: от увесистых голышей до крошечных песчинок. Суть оружия крылась в его удивительной конструкции — одна бусина могла раскладываться в бесконечную цепь. В руках мастера она мгновенно превращалась в смертоносную нить, хлыст или силок, послушно сжимаясь и удлиняясь по воле владельца. К тому же полости внутри бусин заполнялись порохом или ядом. Компактное, незаметное и смертоносное оружие по праву занимало первое

место в списках лучших секретных техник современности.

Однако Бусины Девяти Изгибов всегда считались строжайшим секретом Семьи Хэ из Лояна. Чужакам секретковки и управления оружием никогда не раскрывался. Кем же тогда приходился этой прославленной семье Цюй Цзючуань?

Лянь Цзяньюэ невольно засмотрелся на ухо спутника. Неужели весь этот сверкающий ряд сережек состоял из смертоносных снарядов?

Подобное казалось вполне вероятным.

Кто бы мог подумать, что глухая Каменная деревня сведёт его сначала с загадочным парнем со второй койки, обладавшим колоссальной внутренней силой, а теперь — с легендарным оружием Семьи Хэ. В груди Лянь Цзяньюэ зажглось азартное любопытство. Ему отчаянно захотелось разглядеть поближе, как одна бусина распадается на сотни мелких сегментов и как именно юноша управляет этой смертоносной связкой. Он сделал несколько нетерпеливых шагов к пагоде.

— Стой на месте! — резко осадил его Цюй Цзючуань. — Рванёт так, что мало не покажется!

Едва он договорил, как раздался оглушительный хлопок. Алое пламя разорвало тишину, и вершину пагоды, где стоял монах, заволочло густым красным дымом.

Цюй Цзючуань растерянно посмотрел на друга:

— Он, видать, решил, что сможет вырваться. Не думал, что этот святоша окажется таким упрямым...

— Ничего, — покачал головой Лянь Цзяньюэ. — Этот монах явно не настроен на мирную беседу. Первая его атака была смертельной. Похоже, он решил избавиться от нас во что бы то ни стало.

Он огляделся по сторонам:

— Нужно поскорее отыскать тело Лянь Уцзэна и предать его огню.

Цюй Цзючуань согласно кивнул и прыгнул с каменного уступа. Но стоило его ногам коснуться зеркального пола, как за его спиной соткался багровый силуэт.

«Плохо дело!» — мелькнуло в голове Лянь Цзяньюэ.

Он инстинктивно рванулся вперёд, пытаясь выхватить друга из лап неведомой опасности. Лицо Цюй Цзючуаня исказилось от ужаса — он тоже почуял неладное и попытался уйти резким финтом в сторону, но было слишком поздно. Лянь Цзяньюэ опоздал на долю секунды: его пальцы схватили лишь воздух, когда Цюй Цзючуаня обвинили алые искрящиеся путы и с силой вздёрнули вверх, оставив беспомощно болтаться в воздухе.

Парень отчаянно задергался, но бусины лишь плотнее впились в его тело, сердито сыпля искрами — точь-в-точь как те, что секунду назад опутывали монаха. Лянь Цзяньюэ похолодел от ужаса.

— Какого дьявола?! — выдохнул ошеломлённый Цюй Цзючуань. — Мои бусины ведь только что взорвались! Да и кроме старого хрыча Хэ и его ублюдка-сынка никто в поднебесной не умеет обращаться с Бусинами Девяти Изгибов!

Лянь Цзяньюэ задрал голову. Красный туман на вершине пагоды рассеялся, явив невинного монаха в белоснежном одеянии. Лицо его по-прежнему выражало абсолютное, безмятежное спокойствие, словно разыгравшаяся у его ног драма не имела к нему никакого отношения. Лянь Цзяньюэ похолодел от страшной догадки: а вдруг этот монах — лишь марионетка в чьих-то руках? Кто-то невидимый направляет каждый его шаг. Но где скрывается этот кукловод? Кто он?

Этот чистый, светлый юноша никак не вязался с образом убийцы, готового безжалостно оборвать человеческую жизнь. Да и движений его рук никто из них так и не заметил.

Сложив ладони, Лянь Цзяньюэ почтительно поклонился невидимому пространству и громко крикнул:

— Почтенный мастер! Меня зовут Лянь Цзяньюэ, я ученик Бянь Жугоу из Пиньяна. Мы пришли сюда лишь ради исполнения последней воли усопшего и не замыслили дурного. Мой спутник пострадал лишь из-за желания помочь мне. Если наше вторжение оскорбило покой этого святого места, прошу, покарайте меня одного!

Ответом ему был лишь тихий свист ветра. Алые бусины на теле Цюй Цзючуаня разгорались всё ярче, искры сыпались дождём. Смертоносная развязка приближалась с каждой секундой.

Сердце Лянь Цзяньюэ сжалось от острой боли и раскаяния. Если Цюй Цзючуань погибнет из-за него, он никогда себе этого не простит.

— Как сбросить эту дрянь?! — в отчаянии крикнул он другу.

Не зная секретов этого оружия, Лянь Цзяньюэ в панике потянулся к светящейся нити, намереваясь сорвать её голыми руками, но Цюй Цзючуань вовремя закричал:

— Не трогай! Бусины заблокированы. Разомкнуть их может только тот, кто их выпустил!

Лянь Цзяньюэ заметался. В этот критический миг его взгляд случайно упал на нишу ближайшей пагоды. Там, в клубах тёмного дыма, тускло поблёскивал длинный угольно-чёрный меч.

С трудом подавив рвущийся из груди кашель, он выдохнул:

— Если я перерублю их мечом?

— Для этого нужен удар филигранной точности. Ты хоть раз держал в руках клинок?

Лянь Цзяньюэ горько покачал головой. От природы лишённый таланта к боевым искусствам и крепкого телосложения, он никогда не обучался владению оружием.

В глазах Цюй Цзючуаня промелькнула тень обречённости. Он опустил веки, но тут же через силу улыбнулся:

— Да ладно тебе... Всё в порядке. Я сам ввязался в это дело, сам попёрся в этот чёртов монастырь и сам полез в огонь. Твоей вины тут нет.

Он даже попытался подбодрить товарища:

— Похоже, этот монах точит зуб только на меня. Стоило мне попасться, как он присмирел. Слушай внимательно: как только начнёт бахать, беги без оглядки. Не знаю, куда выведет эта дорога, но пока ты жив, у тебя есть шанс спастись.

Лянь Цзяньюэ посмотрел на старинный меч в нише, затем — на висящего в путах друга. В его душе зародилось безумное упрямство.

— Раз ты говоришь, что хороший мечник справился бы, значит, надежда есть. Терять нам всё равно нечего. Давай рискнём.

Цюй Цзючуань удивлённо уставился на него и хрипло рассмеялся:

— Была не была! Быстрее!

— Гляди в оба! — торопливо заговорил он. — Эти бусины только кажутся цельными шариками. На самом деле каждая состоит из тончайших, вложенных друг в друга полых сегментов. Они нанизаны на скрытую шёлковую нить. Секрет трансформации прост: мастер натяжением нити вытягивает слои один за другим, словно матрешку. Сами скорлупки мягкие, мягче бумажной

салфетки, а форму держат лишь за счёт натяжения. Тебе нужно найти несущую нить внутри связки и перерубить её! Без этой опоры вся конструкция осыплется бесполезной трухой. Каким бы великим ни был кукловод, он потеряет контроль над оружием.

— А если они упадут на пол, взрыва не будет? — быстро спросил Лянь Цзяньюэ.

— Нет. Искра передается по той же нити. Не буду вдаваться в тонкости, просто помни: перерубишь шнур — и смертоносное оружие превратится в обычный бумажный мусор.

Лянь Цзяньюэ сосредоточенно кивнул, уже высматривая среди плотно пригнанных друг к другу алых звеньев тончайшую прожилку шёлка.

— Теперь ты знаешь нашу тайну, — сквозь зубы процедил Цюй Цзючуань. — Если выживем и этот секрет уйдёт на сторону, я лично выпущу тебе кишки.

Он помолчал мгновение и добавил:

— Ну что, не передумал рисковать шеей ради меня?

Лянь Цзяньюэ выжал из себя бледную улыбку:

— Можешь спать спокойно, твоя тайна умрёт со мной. Но вот насчёт спасения... — он с сомнением оглядел раскалённые докрасна бусины, — тут уж как повезёт.

— Я попробую натянуться, — предложил Цюй Цзючуань. — Когда я дёрнусь, нить неизбежно покажется в зазорах между бусинами. Лови этот миг!

Лянь Цзяньюэ молча кивнул. Подбежав к нише, он ухватился за рукоять древнего клинка. Оружие оказалось невероятно тяжёлым — парню пришлось задействовать обе руки, чтобы с трудом вытащить его наружу.

Цюй Цзючуань, увидев эти неуклюжие потуги, растерял остатки уверенности и тоскливо усмехнулся:

— М-да, приятель... Если эта штука рванёт, от меня и мокрого места не останется. Если сумеешь выбраться отсюда живым и отыщешь хоть ошмёток моего тела — руку там или ногу, — отнеси в Лоян. Найди супермаркет «Гуанхуа» и передай старику Хэ Чжэнвэю: Цюй Цзючуань до последнего оттачивал мастерство Бусин Девяти Изгибов и пал от собственного оружия.

С этими словами он зажмурился, упрямо сжал челюсти и рванул из всех сил. Алая цепь мгновенно натянулась, впиваясь в плоть, но заветной нити так и не показалось. В ушах Лянь Цзяньюэ уже всюду нарастало злое шипение порохового запала. Времени на раздумья

больше не оставалось. Зажмурившись, он занёс тяжёлый чёрный клинок и с криком обрушил его на опутанного друга.

<http://bllate.org/book/19697/1986483>